

УДК 101

Федотова М.Г.*(г. Омск)*ЗНАК КАК ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
В «ПРЕДСЕМИОТИКЕ»

Аннотация. Автором проведена реконструкция эпистемологических допущений предпосылок теории знака. На основе современных представлений об эмпирических и теоретических объектах науки проведено последовательное сопоставление взглядов на природу и функции знака философов античности, средневековья и Нового времени. Анализ досемиотических представлений о знаке Платона, Аристотеля, бл. Августина, Дж. Локка и Г.В. Лейбница позволил установить, что в «предсемиотике» знак является эмпирическим объектом, основная функция которого состоит в получении, обозначении и трансляции знания в обществе.

Ключевые слова: знак, эмпирический объект исследования, семиотика, предсемиотика, эпистемология.

M. Fedotova*(Omsk)*SIGN AS AN EMPIRICAL SUBJECT OF RESEARCH
IN «PRE-SEMIOTICS»

Abstract. The author reconstructed the epistemological assumptions of the theory of sign preconditions. On the basis of modern concepts of empirical and theoretical objects of science the author conducted consistent comparison of views on the nature and functions of the sign by philosophers of antique times, middle ages and modern times. The analysis of pre-semiotic views on the sign expressed by Plato, Aristotle, Augustine, J. Locke and G.V. Leibniz allowed to establish that the «pre-semiotic» sign is an empirical object having one main function: to obtain, to designate and disseminate knowledge in a society.

Key words: sign, empirical subject of the research, semiotics, pre-semiotics, epistemology.

Общепринято определение семиотики как науки о знаках. Между тем не существует не только общепринятого определения знака, но – соответственно – и общепринятого представления о том, что знаком не является. Судя по количеству семиотик (например, биосемиотика, медицинская семиотика, семиотика театра, семиотика дороги, даже

семиотика гадания) знаком является буквально любой объект. Столь многообразное понимание знака актуализирует необходимость реконструкции эпистемологических допущений основных досемиотических представлений – «предсемиотики», которые легли в основу современной семиотики, начиная с исследований Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра. Эпистемологические допущения понимаются в данном контексте как система аксиоматических и вытекающих из них гипотетических утверждений о знаке, его структуре и функциях. Эпистемологические допущения теории знака складываются по мере формирования знака как эмпирического объекта исследования в трудах античных авторов, бл. Августина, Дж. Локка и Г.В. Лейбница.

В качестве предмета исследования знак появляется в трудах античных философов вследствие наблюдений за знаками реального языка и попыток выявить закономерности их функционирования в речи.

Уже античная философия различает знак и имя. Имя – знак языка. Это эмпирический объект, обобщающий и универсализирующий употребление слов естественного языка. («Эмпирические объекты представляют собой абстракции, фиксирующие признаки реальных предметов опыта. Они являются определенными схематизациями фрагментов реального мира... Теоретические объекты, в отличие от эмпирических, являются идеализациями, “логическими реконструкциями действительности”») [9, с.104]. Платон, формулируя задачи изучения имен в диалоге «Кратил», в частности, говорит о необходимости «посмотреть, нет ли таких имен, к которым бы все сводились как к составным частям, и из которых можно было бы видеть, что они означают» [6, с. 662]. Эти представления предвосхищают понимание знака в семиотике как обобщенной структурной единицы языка. Очевидно также, что они возникают из опыта, являясь продуктом абстрагирования от конкретных имен.

Знак для античных философов – не только имя или не совсем имя. В понятии «знак» обобщаются не столько сугубо лингвистические, сколько гносеологические закономерности, которые затем приведут к формированию знака как теоретического конструкта в работах Ч. Пирса и Ф. де Соссюра. Знак упоминается в диалоге Платона «Теэтет», когда речь заходит о правильном или ложном мнении, противопоставленном истинному знанию. Знак – отпечаток ощущения в душе человека. И этот отпечаток может оставить не только имя. Платон сравнивает душу с восковой табличкой: если душа восприимчива – «воск глубок, обилен, податлив и достаточно размят, ... то и возникающие у таких людей знаки бывают чистыми, довольно глубокими и тем самым долговечны-

ми» [7, с. 304]. Однако знак может и обманывать: «когда для одного из знаков ощущение налицо, а для другого – нет, знак же отсутствующего ощущения прилаживается к тому ощущению, которое присутствует, все это обманывает разум» [7, с. 303].

Скорее в обыденном, чем философском смысле Платон упоминает о знаке вне лингвистической сферы. В диалоге «О государстве» упоминается «монета – знак обмена» [8, с. 160].

Существенные свойства, отличающие знак (эмпирический объект) от непосредственного объекта – конкретных слов языка, включают его особые взаимоотношения с обозначаемым знаком объектом действительности и взаимоотношения внутри знака, связывающие его материальную оболочку и представление, чувство, вызываемое знаком. Стоики заложили основы классической семиотической триады: предмет (референт) – означаемое – означающее: «три [элемента] соединяются вместе – обозначаемое, обозначающее и предмет, причем обозначающее есть слово, например Дион; обозначаемое есть сама вещь, выявляемая словом <...>. Предмет же есть находящееся вне, как, например, сам Дион» [10, с. 153].

Эмпирические объекты нередко встраиваются исследователями в различные концепции и, следовательно, один и тот же факт может получать различную интерпретацию. Таков известный спор античных ученых о том, даются ли имена «по природе» (φύσει) или «по установлению» (θέσει), условен или необходим выбор определенной звуковой (или письменной) формы для выражения определенного смысла. В основе этого спора лежит эмпирический факт: все знаки имеют определенную форму и не совпадающее с ней содержание. Если для Аристотеля имена условны, то для Платона форма выражения необходимо связана со смыслом. Правильные имена находятся в согласии с природой вещи: «правильность имени ... состоит в том, что оно указывает, какова вещь» [6, с. 666]. А если правильное имя показывает, какова суть вещи, то «имя есть некое орудие обучения и распределения сущностей, как, скажем, челнок – орудие распределения нити» [6, с. 619]. Довольно распространенным является мнение о том, что принятие допущения «по природе» или «по установлению» является аксиоматичным. На наш взгляд, представление о необходимой взаимосвязи материальной оболочки знака и его смысла логически вытекают из гносеологии Платона. «Эйдос» принципиально познаваем. Инструментами познания служат имя, определение, мысленный образ предмета, способность к размышлению и ум, созерцающий подлинное бытие. Поскольку имя – первая ступенька познания, то, чтобы привести к правильному пониманию

(точнее – созерцанию) «эйдоса», оно должно быть связано с «эйдосом». Связь «по установлению» привела бы к появлению неправильного имени, при помощи которого «эйдос» познать невозможно. Таким образом, представление Платона о необходимой связи знака и его формы обусловлено отнесением эмпирического объекта «знак» к теории познания.

Аристотель говорит о том, что определенное значение комплекс звуков обретает в силу соглашения между людьми. «[Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А возникает имя, когда становится знаком, ибо членораздельные звуки, хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя». [3, с. 94]. Следовательно, имя становится именем лишь в человеческом обществе. Отсюда вполне естественна его конвенциональная природа.

Итак, в античной философской традиции представление о знаке возникает из реальных имен, слов естественного языка как результат абстрагирования от их конкретного значения в речи. При этом выявляются общие черты «имени вообще».

1. Имя – посредник между миром вещей и миром людей.
2. Имена имеют звуковую форму и не совпадающее с ней содержание.
3. Связь между звуковой формой и смыслом имени условна (Аристотель) или необходима (Платон).
4. Правильное имя отражает суть вещи и тем самым способствует познанию, неправильное – затемняет.
5. Внутри знака складываются отношения троякого рода: между предметом, означающим и означаемым.

Для ранней средневековой философии поиск инварианта выражения божественного откровения, толкования священного писания для разнообразных культур и языков приобретал особую актуальность в связи с широким распространением христианства в Европе и на Востоке. Основы раннесредневекового учения о знаке заложены в работах Августина Аврелия, среди которых особо выделяются диалог «Об учителе» и трактат «О христианском учении».

Для Августина *signum* («знак, обозначение») – значительно более широкое понятие, чем «имя» в античной философии. Это «то, что употребляется к означению предметов» [2, с. 16], «вообще все, что-либо означаемое, в числе чего могут быть и слова» [1, с. 276]. Таким образом, Августин расширил поле эмпирического наблюдения, включив в него не только устные и письменные знаки, но и жесты, мимику, изображе-

ния: и разговор с глухими посредством жестикмуляций, и театральные пантомимы, и воинские штандарты.

В сочинениях Августина рассматриваются соотношения понятий «знак – предмет – имя». Предмет, вступающий во взаимодействие со знаком, Августин называет «обозначаемым предметом» [1, с. 273].

Целью употребления знаков Августин вслед за Платоном называет обучение и припоминание. По Августину, знак в процессе познания не универсален, можно что-либо сообщить и без его посредничества. Он доказывает это при помощи примера с птицеловом, который, показав свое искусство человеку, незнакомому с ловлей птиц, самим действием объяснил, в чем это искусство заключается. Августин уточняет платоновское высказывание об именах как «орудиях обучения и распределения сущностей»: «когда произносятся слова, мы или знаем, что они значат, или не знаем: если знаем, то скорее припоминаем, чем учимся; если же не знаем, то и не припоминаем, а побуждаемся, пожалуй, к поискам этого значения» [1, с. 304].

В трактате Августина «О порядке» содержится важная для дальнейшей математизации теории знака мысль: универсализация всех наук вообще возможна на основании постижения чисел, создающих порядок и гармонию во Вселенной. Перечисляя все известные науки и искусства: грамматику, диалектику, риторику, поэзию, геометрию, астрологию, Августин заявляет, что «все, что пространно и подробно излагается в стольких науках, может привести к некоторому простому единству, истинному и точному» [1, с. 174]. Основой этого единства должны стать числа.

Итак, в работах Августина Аврелия продолжается спецификация понятия «знак». Происходит его универсализация (в понятие включаются и невербальные знаки). Августин впервые дает наиболее общее определение знака: знак – вообще все, что-либо означающее. К знакам относятся слова, «обозначенные» предметы, жесты, мимика. Расширяется терминология. Августин не только уточняет понятия «имя», «знак», «слово», но и вводит новое понятие «обозначенный предмет». Продолжается разработка наметившихся в античности проблем взаимосвязи между знаком, объектом действительности и значением знака, взаимосвязи формы (звуковой или письменной) и содержания. Августином выделены функции знака: репрезентативная и гносеологическая. Таким образом, продолжается развитие представлений о знаке в рамках программы конструирования эмпирических объектов на базе имеющегося опыта использования знаков, например, в риторике, поэзии, театре и др. Универсализация знака (как и универсализация всего

научного знания) заставляет Августина обратиться к упорядочиванию всего сущего при помощи чисел.

Дальнейшее индуктивное обобщение опыта употребления знаков для истинного познания привело Дж. Локка к необходимости классифицировать знаки в соответствии с их возможностями адекватного отображения реальности. В работе «Опыт о человеческом разумении» он показывает эмпирическую зависимость между знаком и идеей, которую этот знак выражает. Знак совершенен в том случае, если один знак употребляется для выражения одной идеи.

Наиболее совершенны слова, выражающие простые идеи (в том числе имена модусов формы и числа): «имена простых идей всего менее сомнительны. ... Так как они обозначают только одно простое восприятие, то люди по большей части легко приходят к полному согласию относительно их значения, и для ошибок и споров об их смысле остается мало места» [5, с. 484].

Говоря о «злоупотреблении словами» в речи, Локк, по сути, описывает случаи, когда симметричность взаимоотношений между знаком, объектом и значением оказывается нарушенной. Знак не обозначает объекта реальности, при употреблении слов «без всяких или без ясных идей ... знаков без всякого значения» [5, с. 549]. Связь «знак – значение» неоднозначна, когда один и тот же знак употребляется «то для одной совокупности простых идей, то для другой» [5, с. 551] и когда «употребляют старые слова в новом и необычном значении» [5, с. 551]. Говорящий отождествляет знак и объект, когда «слова принимаются за вещи» [5, с. 555].

Дж. Локк ограничивает сферу рассмотрения знаков словами. Связь между идеей и способом её выражения в слове условна, конвенциональна не только в силу несоответствия звука и значения, но и в силу случайности выбора названия из многообразных идей, связанных с вещью. Ввиду того, что для Локка знак – слово естественного языка, актуализируется проблема правильных и неправильных имен, поставленная в античности. Основная функция знака по Локку – познавательная. Наилучшим образом будет выполнять эту функцию знак, в котором полностью симметричны взаимоотношения между предметом, идеей и формой её выражения. Это, прежде всего слова, выражающие реальную сущность вещи, простые идеи.

Дж. Локк впервые употребляет термин «семиотика» в современном значении «науки о знаках». Он отождествляет семиотику с логикой, «так как наиболее обычные знаки – это слова. ... Задача логики – рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для уразумения вещей

или для передачи своего знания другим» [5, с. 200]. Описывая значение знаков для познания действительности, Локк приходит к заключению об универсальности идей и слов как «великих орудий познания» [5, с. 201], «и хотя оно [знание] ограничивается вещами, однако по большей части оно так много прибегает к посредству слов, что их, по-видимому, едва ли можно отделить от нашего познания» [5, с. 547].

Таким образом, знак в трактовке Дж. Локка остается эмпирическим объектом исследования, однако идея его универсальности как средства познания приводит философа к границам индуктивного обобщения опыта знаковой деятельности человека. Логика развития научных представлений о знаке приводит к необходимости еще более обобщенного взгляда на естественный язык, на способы реализации в нем законов логики. Эта задача решалась Г.В. Лейбницем.

Теория знака Г.В. Лейбница складывалась под воздействием идей Дж. Локка и критики его «Опыта о человеческом разумении» в работе «Новый опыт о человеческом разумении» и вместе с его математическими и логическими разработками привела к идее создания универсального языка, воплотившегося в дискретной математике и универсальном философском исчислении. Эти работы являются предтечей современной семиотики в её логико-математической интерпретации.

Знак понимается Г.В. Лейбницем как единица языка, способствующая краткости выражения идей. Причем подразумевается не только естественный язык, но и любые другие знаковые системы. Знаками являются – «слова, буквы, химические фигуры (*figurae chemicae*), знаки астрономические, знаки китайского письма, иероглифические, музыкальные ноты, стенографические, арифметические, алгебраические и все другие, которыми мы пользуемся в процессе рассуждения вместо вещей» [4, с. 501]. Таким образом, Лейбниц утверждает, что сущность знака – репрезентация. Наиболее полезны знаки, способные служить не только для репрезентации, но и для рассуждения. В поисках таких знаков Лейбниц обращается к естественному языку, но находит, что «обыденный язык, хотя он и мог бы весьма способствовать рассуждению, полон, однако, бесчисленных синонимов (*aequivocationes*) и поэтому не может служить делу исчисления» [4, с. 502]. Более полезны для целей рассуждения «знаки арифметиков и алгебраистов» [4, с. 502]. Наглядность – основное качество, необходимое знаку, пригодному для рассуждения. Этим свойством обладают «характеры». Это особые знаки – «написанные, начертанные или же высеченные» [4, с. 501], – которые выражают означаемый предмет не только точно, но и наглядно, образительно. Язык, состоящий из таких знаков, назван Г.В. Лейбницем

«универсальной характеристикой». Его создание означает «самое экономичное употребление человеческого разума с помощью символов и знаков» [4, с. 497].

В идее универсального языка («универсальной характеристики») Г.В. Лейбниц исходил из того, «что все человеческие мысли вполне разрешаются на немногие, как бы первичные; что если бы этим последним были поставлены в соответствие характеры, то из них могли бы образовываться характеры производных понятий, из которых всегда могли бы извлекаться все их реквизиты и входящие в них первичные понятия и то, что я называю определениями или значениями (*valores*), а равным образом и следствия (*atfectiones*), доказуемые из этих определений» [4, с. 502]. Опираясь на это соответствие, можно создать некий универсальный язык, упорядочивающий понятия, в котором «одновременно содержалось бы искусство открытия и искусство суждения» [4, с. 413]. Наиболее подходящими знаками для выражения характеров Лейбниц считал буквы и простые числа, комбинацией которых при помощи логических формул можно выразить любое суждение.

Для пояснения взаимоотношений «характера» с другими «характерами» и их комбинациями, Лейбницем разработана особая терминология, которую сложно свести к современным семиотическим терминам. Сочетание характеров Г.В. Лейбниц называет формулой. Примерами формул в естественном языке могут служить как высказывания, так и словосочетания. Формула может быть эквивалентна отдельному характеру, в этом случае она называется валёром характера.

Итак, Г.В. Лейбниц представляет знак в качестве универсальной структурной единицы суждений. Рассуждения о создании «универсальной характеристики» приводят его к мысли об отсутствии необходимых аналогов в естественном языке. Он обнаруживает их в языке логики и математики. Универсализация способов применения знаков вплотную привела Г.В. Лейбница к необходимости построения теоретического объекта. Однако его «универсальная характеристика» все же еще не теоретический объект, поскольку метод её конструирования остается индуктивным. «Характеристика» обобщает (а не конструирует) реестр идей, является его точной репрезентацией. Вербализация правил построения логически безупречного высказывания привела Лейбница к необходимости построения особых знаков для такого высказывания. Тем самым Г.В. Лейбниц заложил основы эмпирического языка семиотики.

Таким образом, в «предсемиотике» знак является эмпирическим объектом, основная функция которого состоит в получении, обозначе-

нии и трансляции знания. Очевиден вспомогательный характер этого эмпирического объекта, позволяющего объяснить способы получения и трансляции знания и поставить проблему истинности/ложности знания в гносеологии. Абстрагирование от знаков реального языка и переход к логическим схемам получения знания приводит философов к математизации представлений о знаке и является предпосылкой разработки представлений о знаке как теоретическом объекте в работах Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра.

Литература:

1. Августин Блаженный. Творения: в 4 т. – Т.1. – СПб: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000.
2. Августин Блаженный. Христианская наука или Основания герменевтики и церковного красноречия. – СПб: Аксион эстин, 2004.
3. Аристотель. Об истолковании // Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978.
4. Лейбниц Г. В.. Сочинения: в 4 т.– Т. 3. – М.: Мысль, 1984.
5. Локк Дж.. Сочинения: в 3 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1985.
6. Платон Собрание сочинений: в 4 т.– Т. 1. – М.: Мысль, 1990.
7. Платон Собрание сочинений: в 4 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1990.
8. Платон Собрание сочинений: в 4 т. – Т. 3., ч.1. – СПб: Изд-во Олега Абышко, 2007.
9. Степин В.С.. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 1999.
10. Эмпирик С.. Две книги против логиков / Сочинения в двух томах. – Т. 1. – М.: Мысль, 1975.